

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 291

*Д. А. Браткин***К ВОПРОСУ О ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ПАЛЕСТИНОВЕДЕНИИ КАК КОНТЕКСТЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА***

В статье ставится вопрос о необходимости исследования истории российского Императорского православного палестинского общества в контексте западноевропейского палестиноведения. Автор указывает на трудности, связанные с определением предмета этой дисциплины, являющейся специфическим культурным феноменом XIX в. Для иллюстрации того, что именно проецировалось массовым сознанием на археологические изыскания в Палестине, используется роман Гая Торна «Когда настала тьма» (*Guy Thorne, «When It was Dark»*), опубликованный в 1904 г.

Ключевые слова: Императорское православное палестинское общество, ИППО, палестиноведение, европейская культура XIX века, массовая культура.

*D. A. Bratkin***WESTERN HOLY LAND STUDIES AS A SETTING FOR THE STUDY OF THE ACTIVITIES OF IMPERIAL ORTHODOX PALESTINIAN SOCIETY**

The article argues for the new study of the activities of Russian Imperial Orthodox Palestinian Society in the setting of the Western Holy Land Studies. The latter is to be studied as a phenomenon of the European culture of the 19th century within the mental landscape and mindset dominated by a number of specific European/Christian concepts (e.g., Orientalism, supercessionism, etc). In order to show fears and expectations imposed upon the practical explorations in Palestine the author uses the novel *When It Was Dark* by Guy Thorne (1904), which describes a 'great conspiracy' to destroy Christianity by means of an archaeological fake.

Keywords: Imperial Orthodox Palestinian Society, Holy Land Studies, European Culture, 19 century, mass culture.

Отечественные исследователи истории Императорского православного палестинского общества (ИППО), как правило, рассматривают его деятельность в русле

Браткин Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; bratkin@yandex.ru

Bratkin Dmitry A. — Candidate of History, Associate professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; bratkin@yandex.ru

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-63-01001 «Библиотека Императорского православного палестинского общества в составе книжного собрания научной библиотеки Государственного музея истории религии».

традиционного подхода к российской церковной или гражданской истории, в контексте продвижения Российской империи в Леванте, православных межцерковных связей, российско-арабских культурных контактов и т. д. Такой подход, безусловно, справедлив, хотя и однобок. Несмотря на оживление интереса к истории ИППО в последней четверти XX в., волну архивных и исследовательских публикаций, полноценное рассмотрение деятельности ИППО в контексте развития мирового палеотиноведения и истории создания и эволюции зарубежных (в первую очередь западноевропейских) палеотиноведческих организаций только начинается. При этом существующий в историографии пробел далеко не всегда очевиден для российских ученых и их заинтересованной аудитории.

Адекватно оценить историю ИППО и его коллекций, их ценность, оригинальный вклад российских исследователей, работавших как самостоятельно, так и в составе коллективных научных организаций, и шире — место России в общем ряду держав, соперничавших и сотрудничавших на Ближнем Востоке, можно лишь на фоне масштабного исследования, которое соединяло бы описание деятельности ИППО с фундаментальным изучением общего контекста европейского палеотиноведения. Необходимость в таком исследовании усиливается тем обстоятельством, что существующие на Западе монографические обзоры, как правило, оставляют деятельность ИППО за скобками [1] или касаются ее в минимальной степени — так, Н. Силбермен упоминает об ИППО лишь в связи с раскопками Конрада Шика [2, р. 151–152]. Важно при этом отстраниться от попыток писать идеологически мотивированную «историю изнутри» той или иной традиции, ибо залогом подлинно научной разработки темы может быть лишь выход за пределы узкоконфессионального или узконационального взгляда. Создание такого исследования — дело будущего.

Одна из главных проблем, связанных с историей палеотиноведения, состоит в особом характере предмета этой дисциплины и его эволюции. Как нам представляется, любая работа по данной теме должна начинаться с рассмотрения ментального контекста, в котором развивалась эта наука, и общественного запроса, вызывавшего к жизни те или иные ее научные структуры. Все перипетии и повороты в деятельности европейских академических, клерикальных и политических игроков на Ближнем Востоке являются прямым следствием противоречий, заложенных в определении предмета, целей и методов палеотиноведения. В том виде, в каком оно к середине XIX в. оформилось и осознало свой *raison d'être*, палеотиноведение представляет собой специфический культурный феномен и производную от массовой европейской ментальности. Именно этим обусловлены противоречия в развитии этой дисциплины, именно этим поддерживалось ее продвижение вперед.

Истоки европейского палеотиноведения можно проследить до поздней античности. Отправной точкой станет ранневизантийская христианская апроприация Палестины с последующим мемориализирующим освоением ее через культовое строительство. Обоснование такой апроприации было двойственным: с одной стороны, она опиралась на суперцессионизм христианской церкви по отношению к иудаизму и замещение Израиля в рамках связанного с этой областью Завета; с другой стороны, право на владение этой территорией обосновывалось через собственный вариант священной истории. Что касается иудейского присутствия на этой территории, то патристическая литература ретроспективно санкционировала репрессивную римскую политику после восстаний 70 и 135 гг. (подобное восприятие мы встречаем

уже у авторов IV в.). Для формирующегося же талмудического иудаизма восприятие данной территории (носящей название Эрец-Исраэль, «Земля Израиля») приобретает, с одной стороны, религиозно-мессианские, а с другой — ритуальные коннотации. Впрочем, вплоть до второй половины XIX в. собственно иудейское/еврейское отношение к Эрец-Исраэлю остается вне поля зрения европейцев, интересующихся Палестиной. Напротив, иудаизм и евреи оказываются объектом вербализации внутреннего европейского самосознания, или, перефразируя современного исследователя, отсутствующим слушателем напряженного монолога христиан о самих себе. Третьим компонентом картины является мусульманское присутствие в регионе, в том числе коммеморация Палестины в исламской традиции и исламской религиозной географии, — обширнейшая тема, включающая в себя изучение взаимоотношений между исламом и христианским миром.

При восприятии данного региона — как при взгляде извне, так и изнутри его — религиозный приоритет выступает в качестве своеобразной призмы, через которую преломляется этнокультурная пестрота реальной и воображаемой Палестины. Результатом этого преломления оказывается наличие, с одной стороны, множества конкурирующих культурно-исторических нарративов, с другой — общей парадигмы европейского отношения к Востоку: при всех возможных возражениях против понятия «ориентализм», концепция Э. Саида с оговорками может быть использована для описания того, как внешний наблюдатель конструировал объект своего наблюдения через проекцию собственных ожиданий и интересов. Культурная предрасположенность внешнего, в данном случае европейского, наблюдателя довольно часто переплеталась с религиозной; в силу этого правомерно поставить вопрос о том, в какой мере этнографические и культурно-антропологические изыскания европейских ученых и практиков отражали реальные результаты объективного — по стандартам науки того времени — наблюдения, а в какой — желание «библейзировать» реальных обитателей Палестины, подгоняя их (прежде всего визуально или в рассуждениях на темы этнографии и этнопсихологии) под представления о том, как должны выглядеть и вести себя обитатели библейских земель. Представления такого рода, в свою очередь, были подготовлены долгим опытом рецепции библейских текстов и библейской мифологии национальными культурами Запада. Результаты этой рецепции мы наблюдаем в самых разных произведениях — от Библий Лютера и Короля Иакова, ставших канонами литературного немецкого и английского языков соответственно, до эпохальных творений художественной литературы, впитавших библейскую образность, — сочинений Мильтона, Тассо, Расина, Лессинга, Блейка.¹ Образованный европеец соприкасался с Библией через посредство родной культуры, структур социального контроля, воспитания и образования. Не следует забывать о том, какой силой еще в середине XIX в. обладала архаичная школьная традиция, трактовавшая Библию как основной авторитет не только в части истории Ближнего Востока и древнейшего человечества, но и в вопросах естественнонаучного и космологического характера.

Правомерно задаться вопросом: до какой степени созданные европейцами тексты проецировали на описываемую реальность стереотипные концепции

¹ Здесь встает вопрос о месте Библии в западных, преимущественно протестантских, культурах и в России. Среди авторов XIX в. его поднимал иеромонах Алексей Виноградов [3].

восприятия библейской и иудео-христианской истории и освещали историю Древнего Востока через призму западных культурно-религиозных стереотипов (см., напр.: [4])? Столь же правомерно задуматься и о том, насколько по-разному воспринимали палестинский культурно-исторический ландшафт российские путешественники и исследователи, отождествлявшие себя с восточнохристианской традицией Леванта и видевшие в православных христианах Востока единоверцев и собратьев, и западноевропейские исследователи и путешественники, которым местные традиционные христианские исповедания представлялись частью пестрого восточного колорита, а их носители — аудиторией миссионерской проповеди, и в чем это различие восприятий проявлялось на практике.

Политическая составляющая темы изучена достаточно подробно и хорошо известна отечественной публике уже потому, что именно спор о святых местах в Иерусалиме дал формальный повод к началу Крымской войны, окончившейся для России катастрофой. Действительно, религиозное, учёное, миссионерское и иное невоенное проникновение европейских держав на захваченный «неверными» Восток со времён крестоносцев (и, разумеется, в течение всего описываемого периода) было продолжением политики другими средствами: объект учёного интереса становился объектом практической трансформации. Историко-научная сторона проблемы также изучена довольно подробно, и в целях экономии места можно отослать читателя к имеющимся обзорным монографиям [1–2].

Предметом истории палестиноведения является не только и не столько история учреждений, непосредственно занимавшихся изучением Палестины, сколько европейский ментальный ландшафт, в котором существовала эта наука. Контекст этот для нас ныне в значительной степени утрачен, хотя понимание его может оказаться важным для правильного восприятия эволюции науки. Проиллюстрируем это на одном конкретном примере.

«В XIX и начале XX века, — пишет современный публицист, — на Святой Земле нельзя было и апельсиновой корки выбросить, не попав при этом в пылкого археолога. В первых рядах были люди типа генерала Гордона, библейского фанатика, позднее убитого Махди в Хартуме. Уильям Олбрайт из Балтимора постоянно защищал Иерихон Иисуса Навина и другие мифы. Некоторые из этих диггеров, даже с поправкой на примитивные методы своего времени, считались скорее серьёзными учеными, нежели простыми оппортунистами. Серьёзными в том числе и с моральной точки зрения: французский археолог-доминиканец Ролан де Во многое поставил на карту, заявив, что “если историческая вера Израиля не основана на истории, эта вера ошибочна, а следовательно, ошибочна и наша вера”» [5, p. 123].

Критики Хитченса упрекали его в риторических преувеличениях; и в самом деле, может показаться странным, что в одном абзаце ригористичного историка науки соединены столь разные люди, как Чарльз Дж. Гордон (1833–1885), активный военный и политический агент Британской империи на Востоке, фанатичный евангелик, который, находясь в Иерусалиме в промежутке между этапами военной карьеры, издал небольшую книгу о предполагаемом месте распятия Иисуса [6], Уильям Ф. Олбрайт (1891–1971), многолетний дуаин ближневосточной археологии, консервативный методист, открытый защитник буквальной достоверности библейской истории, и Ролан де Во (1903–1971), французский доминиканец, выдающийся археолог и один из основателей кумрановедения. Поставить Олбрайта и Во — международно признанных

ученых в один ряд с Гордоном может показаться более чем натяжкой. И всё же, уравняв между собой этих внешне весьма различных людей, Хитченс оказался прав, ибо довольно точно воспроизвёл распространённое в английском обществе XIX–XX вв. представление о том, что историческое и археологическое изучение Палестины находится в тесной связи с подтверждением или ниспровержением христианской веры.

В контексте современных попыток доказать, что старинное противопоставление науки и религии анахронично и изначально безосновательно, что наука по определению не способна разрушить притязания религии на истину и занимаемую ею социальную нишу, точка зрения де Во может показаться бессмысленной. Отчасти это так и есть: научное исследование не имеет точек соприкосновения с религией ровно в той степени, в какой не используется ею для апологетических нужд. Однако именно религиозно-апологетический контекст и был тем главным *Sitz im Leben*, в котором происходило развитие европейского палестиноведения; более того, для широкой публики именно этот контекст был основным. За представлением о безусловно апологетическом характере палестиноведения стоят более глубокие структуры ментальности и особенности восприятия науки о библейских древностях, которые надо учитывать при изучении истории науки. Лучшую иллюстрацию этого тезиса мы встречаем в массовой литературе.

Русскому читателю едва ли знаком роман Гая Торна (*Guy Thorne*, настоящее имя *Cyril Ranger Gull*, 1876–1923) «Когда настала тьма» (1903) [7]. Этот весьма популярный, тепло принятый религиозными кругами и выдержавший несколько переизданий по всему англоязычному миру роман, как явствует уже из его подзаголовка, повествует о величайшем в мире заговоре, направленном на подрыв христианской веры. В центре сюжета стоит Константин Шуабе, чрезвычайно умный и красноречивый промышленник-мультимиллионер, член парламента, еврей-атеист с анархистскими и коммунистическими наклонностями, судя по всему принявший ненавистное ему христианство ради достижения успеха, — иными словами, концентрированное олицетворение зловещей силы, подрывающей устои доброй старой Англии. Он пользуется для реализации своих зловещих планов тем, что сэр Роберт Льюэлин, знаменитый археолог, исследователь Святой Земли и куратор Британского музея, ведет двойную жизнь: имея любовницу с артистическими наклонностями и, как следствие, нуждаясь в деньгах и боясь разоблачения, Льюэлин во время раскопок в Палестине фабрикует гробницу, надпись на которой говорит о том, что Иосиф из Аримафеи спрятал в ней тело мертвого Иисуса. Международная научная комиссия подтверждает подлинность находки, а следовательно — отсутствие исторического Воскресения и беспочвенность христианской веры. Археологическое опровержение христианства производит сенсацию, растиражированную газетами. Турки начинают резню, Россия проводит мобилизацию, Индия восстает, американский пролетариат, освобождённый от моральной узды, ударяется в оргии и бесчинства, преступность возрастает вдвое. Всё это грозит полным разрушением общественного порядка и уничтожением цивилизации, но на сцену выходит положительный герой — молодой англиканский священник, который после череды авантюрных приключений разоблачает подделку. Толпа линчует Льюэлина, а Шуабе после бегства и неудачной попытки самоубийства становится идиотом, которого демонстрируют посетителям сумасшедшего дома в качестве поучительного примера.

Этот роман — своего рода энциклопедия навязчивых страхов и социальных фобий, которыми страдал средний класс викторианской и эдвардианской эпох. Он наглядно демонстрирует, что охранительно настроенная мысль признавала способность библейской археологии разрушить историческое основание христианства (о чем писал де Во), более того, эта возможность служила для массового сознания источником тревоги и линзой, которая собирала страхи за привычный социальный и экономический уклад. Книга Г. Торна помогает лучше понять контекст, в котором существовало и развивалось европейское палестиноведение, и интеллектуальное состояние массовой публики, к которой палестиноведение обращалось.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что история европейского палестиноведения, составной и достойной частью коей является путь, пройденный Императорским православным палестинским обществом и российскими исследователями Палестины, есть не столько история науки или академических учреждений (думать так было бы большим упрощением), сколько история взгляда европейцев на Палестину, в более широком смысле — на Ближний Восток, иудеев, мусульман, на «Другого» собственной библейско-христианской традиции, но в конечном итоге — на самих себя. Написать историю изучения Палестины — значит оценить кругозор ученых, ею занимавшихся, и проанализировать сложную иерархию смыслов, определявших их взгляд на предмет своей научной деятельности. Именно поэтому изучение вновь вводимой в научный оборот Библиотеки ИППО, которая сохранилась в качестве коллекции в фондах научной библиотеки Государственного музея истории религии, выявление стратегии ее собирания, преследовавшихся при этом целей и интересов, а также динамики ее использования в деятельности ИППО представляет собою важную и перспективную исследовательскую задачу.

Литература

1. *Shepherd N.* The Zealous Intruders. The Western Rediscovery of Palestine. London: Collins, 1987. 282 p.
2. *Silberman N. A.* Digging for God and Country. Exploration, Archaeology and the Secret Struggle for the Holy Land, 1799–1917. New York: Knopf, 1982. xv+228 p.
3. *Виноградов А. (иеромонах).* История английско-американской Библии: в 3 ч. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1889–1891. 170+308+690 с.
4. *Assmann J.* Moses the Egyptian. The Memory of Egypt in the Western Monotheism. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. x+276 p.
5. *Hitchens C.* God is not Great. How Religion Poisons Everything. New York: Twelve, 2007. 307 p.
6. *Gordon C. G.* Reflections in Palestine. London: MacMillan, 1884. x+124 p.
7. *Thorne G.* When It was Dark. London: Greening & Co., 1904. viii+427 p.

Статья поступила в редакционную коллегию 28 августа 2014 г.